Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

А.С. Пушкин

В то время были на земле исполины...
Это сильные, издревле славные люди.

Книга «Бытие». 6,4

Между русской сказкой и эпическими песнями лежит узкая полоска, перевал из доистории в историю. На нем, на этом переходе, высится манящая поэтов и сказителей непомерная фигура Святогора. Она стоит как разделительный знак, как древний меч-кладенец, до середины лезвия вошедший в темный камень веков и неподвижно увязший в нем. Былина о Святогоре — важный ориентир в странствии по отечественной словесности. Порой кажется, что она — изустная страница из древней «антологии» лучших творений человечества, чудом сохранившаяся в «переводе» на русский язык. Смена одного языка другим, родственным предшествующему поколению, постоянно происходила на Великой русской равнине. Осуществлялась она и в последней трети первого тысячелетия нашей эры, когда славянское языковое единство распадалось. Поэты, говорившие на древнерусском языке, стали создателями первых «старин», как их позднее назвали — «былин», которые преобра-

зовали старые предания в новые «были». Происходило это естественное обновление и переложение произведений устной народной словесности не одно столетие, чутко реагируя на текущие изменения в языке. Появление доселе невиданной формы организации певучего слова, еще близкого сказочному волшебному повествованию, не было случайным, искусственным, надуманным. Само содержание жизни, иное ее видение, требовало новых ритмов, вдохновенных песен, художественно отражающих изменения в жизни человека, общества, в иерархии духовных ценностей. От драматургической магии сказки, с ее уходом героя из бытового мира в «иное царство» и возвращения его, возмужавшего, к семейной счастливой жизни былина шагнула в историческую реальность, требующую от поэтов героических произведений в защиту нарождавшегося отечества. И прежде всего человеку необходимо было определить свое отношение к прошлому, к прерванной, но не разорванной традиции, осмыслить свою позицию в этой надвигавшейся истории. Не раз, не два люди сбрасывали накопленный тысячелетиями словесный груз, рождали и множили языки, но самое главное, жизненно важное сохраняли, «переводили» на язык живой, непрерывно меняющейся речи, удерживая выстраданные мысли в новых ритмах и обновленных образах. Именно эту задачу и выполняет былина о Святогоре, сохранившая свою живую художественную силу вплоть до нынешнего времени. Она смотрит и в прошлое и в будущее, поскольку создана в пограничное время.

Крепко вошел в русскую память образ этого древнего героя, призванного пронести по цепочке поколений некую чрезвычайно важную мысль. Поражал воображение певцов и слушателей не только его сказочно огромный рост и нечеловеческая сила, но и то, что он человек-гора иного, более древнего племени, носитель неразгаданной мудрости. Оказалось, что прошлое порождало не только враждебных Змей-Горынычей, но и добрых, хотя и не без хитрости, помощников в богатырском обновлении бытия-жизни. Сюжетно и композиционно былина значительно проще сказки, художественные средства выражения экономнее, если не сказать беднее, но мысль, заключенная в ней, яснее, концентрированнее. Известно несколько сюжетов былин о Святогоре (см.: В.Я. Пропп, «Русский героический эпос»), два из них явно первоначальны, остальные, возможно, привнесены сказителями в более поздние, православные времена. Все они записаны фольклористами от сказителей, обитавших в историческом затишье Русского севера.

Остановимся на этих двух сюжетах, соединив их в единую композицию: (1) богатырь-великан Святогор из некоего горного мира приезжает на равнинную Русь и находит на пути-дороге небольшую «переметную» суму, которую не может сдвинуть с места; (2) он встречает русского витязя-богатыря, уступающего ему в силе, братается с ним и на обратном пути в свои горы находит смерть в гробу-колоде, напоследок наделив названного брата частью своей дивной силы. Эпизод с сумой наиболее загадочен. Сами сказители не растолковывают его, не разъясняют, но, многократно повторяя и варьируя, подчеркивают его чрезвычайную значимость. Прежде всего, в былине рисуется образ героя, исполина-Святогора, наделенного непомерной физической мощью. Восседает он на богатырском коне, едет бесцельно по Руси и сетует, что «не с кем Святогору силушкой померяться». Если и совершал он подвиги в прошлом, если и знаменит чем-либо, об этом умалчивается. Сам перед собой он величается, хвастается «как бы я тяги нашел, / Так я бы всю землю поднял», что если бы стоял «столб до неба» да было бы на нем кольцо, то ухватился бы за него и повернул всю землю. Сказители смутно намекают, что Святогор желал бы вернуть именно прежнее, именно старое, привычное ему состояние земли и общества, когда он был на своем почетном месте, а не бродил по неведомым землям одиноким и бесприютным скитальцем. Только вот не за что взяться, нет опоры ему, «а сила-то по жилочкам так живчиком и переливается, грузно от

силушки, как от тяжкого беремени». И вот, нежданно-негаданно, Святогор «во чистóм поле наезжает... на сумочку скоморошию», то есть — пустяковую, будто брошенную за ненадобностью странствующими веселыми людьми, скоморохами. Пробует он ее поддеть копьем, пробует шевельнуть ногой, а «эта сумочка да не сшевелится, эта сумочка да не ворохнется», «не поднимется..., не сдымается, богатырской силе не сдавается». Берет он суму в охапку, тянет вверх обеими руками, а как до колен поднимет, то по колена «угрязает» в землю, а до груди, то и по грудь уходит в глубину. Если бы не богатырский конь, что выдернул его из земли, то уже пришла бы Святогору смерть. Кстати, есть такой вариант былины, судя по всему, сокращенный, изрядно упрощенный и лишенный поэтической силы: Святогор, не совладав с сумой, гибнет, взятый в недра земли, словно чудь, уходит в «иномирье» и исчезает из поля пения и зрения. Главная мысль с точки зрения певцов этой былины уже сказана. Да не проявлена. Истинные хранители народной памяти, талантливые сказители художественным сознанием чувствуют, что не вся весть передана, не все дела героем переделаны, что еще пора смертная ему не пришла. По этой причине в ряде былин о Святогоре вводятся такие, скорее всего, более поздние персонажи, как «калики перехожие» или Микула Селянинович, приоткрывающие слушателям эпической песни тайну этой сумы. Вот пашет Микула поле бескрайнее, кажется, он рядом, а Святогор не может его догнать. Взмолился он, чтобы пахарь приостановился: «Ай же ты, прохожий человек, приостановись немноженко, / Не могу тебя догнать на добром коне!» Подъезжает богатырь поближе и видит у него суму переметную, что Микула с плеча на плечо перекидывает. Завязался между ними разговор, и на вопрос, а что же это за сума такая, что в ней? — пахарь отвечает: «Тяга земная» (вариант — «весь земной груз». — *В.П.*). Словно подслушал пахарь хвастливые речи Святогора о его космической силе! Вот тебе то, что просил — «тяга земная»! После неудачной попытки поднять суму Святогор сетует, что не может он «тяжесть людскую носить», «только дух под сумочку мог пропустить, / А сам по колена в землю угряз, / А по белу лицу не слезы, а кровь течет». В одних вариантах былина заканчивается словами: «Где Святогор увяз, тут и встать не мог, / Тут ему было и кончение». И здесь еще тайна сумы не раскрыта. Неспроста в некоторых вариантах Микула Селянинович отправляет его к Калинову мосту, то есть в прошлое, в мир сказки, где этот мост является обязательной топографической достопримечательностью, неким порталом в «инишний» мир. На этом пути ему и предстоит встреча с Ильей Муромцем.

Едет Святогор дальше, дремлет, безучастный к окружающей его жизни, которую он вовсе и не замечает, хотя ранее, по его же словам, «наезживал на Святую Русь, но ничего не видел и не слышал, только встретил богатыря». С виду он грозен, словно и не человек, а мифический славянский волот (великан), в полном вооружении и на богатырском, богато снаряженном коне. Едет по кромке каменистого взгорья-косогора «Мать Сырой Земли», по самой границе Святой Руси. С ним и меч, которым некого сечь, с ним и его шатер для отдыха. И вот засыпает он крепким сном. А между тем, в своем селе Карачарове, что возле города Мурома, собирается на встречу с ним Илья Муромец. В хрестоматийной былине «Святогор и гроб» Илья произносит такие слова: «Пойду я еще во святы и горы, / Проведаю ведь я про богатырей, / Про того ли я Егора-Святогора ведь. / Есть матерый богатырь да великих. / Есть он, да был горныих, / Его-то я ведь силушки не пробывал». Сказители, склонные к игре звуками, поют о Егоре-Святогоре. Для православного слушателя имя Егор связано и с весенним Егорием, пробуждающим природу, оживляющим своим божественным копьем траву и листву, и со Святым Георгием Победоносцем, змееборцем. Эти поздние сопоставления положительно характеризуют соперника Ильи. Иногда сказители вводят самостоятельный эпи-

Богатырь Святогор

зод: некие старцы-калики предупреждают Илью об опасности, не советуют ему биться со Святогором-богатырем. Но Илья собрался не на борьбу с врагом. Выражение «силушку попробовать» говорит не о битве, а о поединке. Направляется Илья к границам-рубежам Руси, в некую горную страну, богатую ущельями «плотными». В некоторых вариантах былины родина Святогора — Святые горы — прямо противопоставлена родине Ильи — Святой Руси. На их границе Илья Муромец и встречает Святогора, который кажется ему «чудом», прежде им не знаемым, но не чудом-юдом сказочным, а все же известным в прошлом богатырем: «Как про тебя слава широкая шла / По всем землям-то, еще по всем ордам». Но о прошлых подвигах Святогора ничего не говорится. Они не интересуют русского сказителя, поскольку имеют отношение к исчезающему этносу.

По теории этногенеза Л.Н. Гумилева последняя стадия тысячелетнего существования народа (языка) — «мемориальное время» — характеризуется угасанием, глубоким сном, забвением собственного прошлого. Если Святогор, которому, как говорится в былине, «пели славы» поэты предшествующего общества, для которого он и совершал героические подвиги, то выходит, что он герой скифско-сарматско-праславянского суперэтноса, переживший свой народ. Такая характеристика полностью совпадает с былинным образом Святогора. Хронологически — это VII–X века, глубокая старость суперэтноса восточных славян и ранняя молодость русичей. Главная ценность для древнерусских людей — устройство нового общества, что без учета опыта прошлых веков было просто невозможно. Думается, что именно в это историческое время и появляются первые былины как новый жанр отечественной устной словесности. Для этноса на подъеме, во время «пассионарного взрыва» (Л.Н. Гумилев), в людях обостряется чувство наследников великой традиции. Именно это чувство вдохновило и подвигло новых поэтов к сотворению первых русских эпических песен о древнем герое Святогоре. Эти былины поднялись на высоту отечественных поэтических шедевров, хранящихся в памяти русского народа и звучащих до угасания устной традиции в XX веке.

Нам уже не восстановить, что легло в основу образа Святогора, героя предшествующего этноса. Те древние песни забылись, горестные века нашествий готов и гуннов, когда люди бежали в ближайшие горы, отступали в северные леса и боло-

та, непроходимые для кочевников, степных орд, выветрились из памяти. Новые песни появились через два-три столетия, когда потомки тех людей обновленными вернулись на земли предков, как это сделал Илья Муромец, встретив на своем пути последнего из древних богатырей — Святогора.

В одной из былин, довольно редкой, эта встреча описывается следующим образом. Богатырь-великан странствовал вместе со своей женой, которую он возил с собой в хрустальном ларце. Явно сказочная деталь. О женитьбе Святогора сохранился рассказ: судьбою ему была определена суженая, которую он найдет в таком-то месте, куда он и направился, но вместо женщины обнаружил ужасного вида змею. Пытаясь уйти от такой незавидной судьбы, богатырь ударил змею своим мечом, поворотил коня и уехал прочь. Змея не погибла, но, сбросив порубленную кожу, обернулась красавицей. С нею Святогор, не подозревая, кем она была раньше, сходится и сочетается в браке. От судьбы не уйдешь! Так что Илья встречает не только богатыря, но и его жену. Далее события развертываются так: Святогор опускает хрустальный гроб на траву, ставит шатер и крепко засыпает в нем. Илья Муромец, издали увидав их в чистом поле, прячется в ветвях кряжистого дуба. Но жена Святогора примечает затаившегося Илью, приманивает и соблазняет русского богатыря. Пробудившийся Святогор узнает от Ильи об измене супруги и убивает ее. После этого он братается с Ильей. Такая вот странная история. Откуда она залетела в эпическую песню — непонятно. Возможно, сказитель хотел подчеркнуть, что содружество богатырей важнее услад семейной жизни. После этого события два богатыря едут дальше вместе.

В былине «Святогор и Илья Муромец», записанной Н.П. Леонтьевым на Печоре, сказители поэтически, но несколько иначе, описывают встречу древней и новой русской силы. Вот Илья видит своего невиданного супротивника: «Ох ты гой еси удалой / Ты что, молодец, да издеваешься, / А ты спишь ли, богатырь, аль притворяешься, / Не ко мне ли, старóму, подбираешься?» Вот он начинает преследование Святогора: «Выехал на ископыть лошадиную, / И поехал он по этой ископыти. / Нагонил он русского богатыря, / Вынул палицу буевую, / Ударил богатыря палицей буевой. / Говорит Святогор таково слово:

— Ветра нет, а шишки падают (вариант — «Ох и больно русские мухи кусаются», или «комарики». — *В.П.*).

Второй и третий раз ударил его старóй / Своей же палицей буевой, / Повернулся Святогор да назад: / Едет за ним русский богатырь / И бьет его палицей буевой. / Взял Святогор его вместе с конем, / Вместе с конем в карман положил». Что за чудная в своей наивной простоте гипербола! По всему видно, что Святогор ждал Илью, что сознательно не ответил на его удары, а сунул, словно в суму или за пазуху, в свой карман и понес, как мать несет в утробе младенца, чтобы родить наследника. Эта мысль захватывает певцов былины, которые средствами поэзии пронесли ее сквозь столетия. Зачем к этому приему прибегают сказители? Зачем применяют мужицкую силу поэтической орудийности? Этого потребовала сама идея, заложенная в данном сюжете: жизненная ценность встречи нового, нарождающегося, с прежним, уходящим, тема смерти и бессмертия. В некоторых вариантах былины особо подчеркнута опасность, которая подстерегает тех витязей, что бездумно наносят удары по прошлому, вкладывая это понимание в слова Святогора: «Если бы я тебя да ударил-то / Как от тебя один ведь прах-то стал, / Разлетелись бы твои косточки». Да, надо сказать, не простая для осмысления встреча, что и следует из дальнейшего развития чудесного повествования. Святогоров «добрый конь», наделенный человеческой речью, что присуще сказочным скакунам, проговорил: «Ласков хозяин, ты и сам сидишь, / И богатыря с конем на мне везешь, / Не могу я вас, три души, нести» (вариант «Я вожу двух русских могучих богатырей». — *В.П.*). «Тогда Святогор Илью Муромца / Вымал его из кармана с

конем / И говорил он таково слово: / Ой есь, удалой добрый молодец, / Да едешь ты по чужой дороженьке! / Да назвались они тут двумя братьями» (вариант «Не хочу с тобою драться, / Давай лучше побратаемся». — *В.П.*). Речь сказителя настолько сжата, что оставляет за скобками, как и почему осуществилось это побратимство. Но для певца былины важно подчеркнуть их родство. А вот то, что для Ильи путь Святогора — «чужая дороженька», подготавливает поворот сюжета — неожиданное появление на пути пустого каменного (вариант: дубового) гроба. Как и переметная сума, гроб — важнейший символ древнейшей богатырской песни. Через эти две точки — сума и гроб — проходит сюжетная нить всех былин о Святогоре. Откуда взялся этот гроб, сказители чаще всего не разъясняют. Он либо срублен некими двумя странниками, старцами-чудью, либо изначально стоит на границе Руси и горной страны как мифический вход в царство мертвых. Иногда певцы этой былины добавляют: «На том гробу подпись подписана: / Кому суждено в гробу лежать, тот в него и ляжет». Начинается эпизод с примерки гроба, известный и по русским сказкам. Илье он явно велик, не годится, а Святогору, которому кажется, что гроб с очевидностью мал для его великанского роста, гроб-колода (иногда православным сказителем обозначался словом — «плащаница», то есть, смертный покров. — *В.П.*) неожиданно приходится впору: «Слез Святогор со добра коня, / Лег в этот гроб — гроб как раз по нем, / Накрылась на него доска-гро́бница, / И потерялись эти два странника» (вариант былины, когда гроб срублен двумя таинственными странниками. — *В.П.*). Вполне в духе волшебной сказки!

Следующий эпизод сюжета — попытка Ильи освободить своего названного брата. Тот не на шутку испугался, поняв, что самостоятельно вырваться из закрытого гроба он не может: «Бей, старо́й, гробницу палицей буевой...» Но богатырские удары (вариант: мечом-кладенцом, святогоровым оружием) приводят к чудесным образам — «наскакивающим», «налетающим» на колоду железным обручам. Три удара — три скрепы. Это уже не сказочное воскрешение мертвой и живой водою, но мысль о бесповоротности, необратимости смерти, о решающей роли личной судьбы в жизни человека, каким бы сильным и огромным он ни был, ибо на его силу всегда найдется еще более могущественная сила. И это понимание облечено в совершенную художественную форму. Метафора живописно развертывается. Образ трех железных обручей имеет глубокую древнюю поэтическую проработку. И магическое число «три», присущее русским сказкам, и обруч, как символ пленения и необратимой гибели, подчеркивают фатальность ухода из этого мира могучего богатыря, отвергнутого самим временем. Обреченный на смерть Святогор предлагает своему побратиму Илье Муромцу принять от него через щель в гробу смертное дыхание (пену-слюну), часть своей волшебной силы. Однако Илья отказывается. Видно, мать ему в детстве рассказывала волшебные сказки, и он уяснил, что от «иного царства» ничего вкушать нельзя. Но есть былины, где без мистики объясняется отказ Ильи: «У меня головушка есть с проседью, / Мне твоей-то силушки не надобно, / А мне своей-то силушки достаточно. / Если силушки у меня да прибавится, / Меня не будет носить да Мать Сыра Земля». Но у сказителей в раскрытии этого эпизода согласия не было. По одной из версий Святогор коварно хотел умертвить Илью, по другой — сам поведал ему, что принять (наследовать) от него можно лишь особую долю силы, причем малую ее часть. Так уж повелось, что мыслители с одинаковой убежденностью и убедительностью говорят и доказывают противоположное. Второй вариант был более популярным, бытовавшим в устной передаче до середины прошлого века: «Буду я помирать нынче. / Пойдет у меня пена белая — / Пропусти эту пену белую. / Пойдет у меня пена желтая — возьми ее в рот с конец перстика, / Пойдет у меня пена зеленая — / Возьми ее с конец ложечки». Илья, чувствуя некий подвох, поступил иначе, как бы мы сей-

час сказали, по внутреннему чувству, интуиции: «Хлебнул старóй да силу белую, / Тут он пал да без памяти, / Лежал он без чувствия трое суточки. / Тогда старóй пробуждается, / Почувствовал по себе силы множество». Эта же мысль, но в другом художественном контексте, передана сказителем, современником и земляком предыдущего (обе эти редчайшие былины записаны Н.П. Леонтьевым на Печоре в конце 30-х — начале 40-х годов XX века). Предлагаю для сравнения и этот вариант. Говорит Святогор: «Карауль, Илья, трое суточки, / Падет из меня пена черная — / Пену черную оботри платком, / Падет из меня пена желтая — / Пену желтую оботри платком, / Падет из меня пена белая — / Макни ее полукалачиком». Но Илья пожадничал, захотелось ему большего, что чуть было не привело русского богатыря к гибели: «Он во белу макнул целым калачом — / Начало тогда рвать-метать его. / Почал Илья тогда дубья рвать, / Тогда у Ильи силы посбавилось, / А то бы силой разóрвало». Безусловно, эта былина по своей основной идее преемственности прошлого и настоящего (осторожном следовании традиции), по своей красной нити — брать из уходящего мира строго выверенную, соразмерную собственной силе часть наследия предков, — была актуальна в послереволюционной России. Но не менее востребована она была и на Руси времен формирования Древнерусского государства, или еще в более отдаленные времена. История народа — это цепочка смены вех, пограничных состояний сознания и миропонимания, что, скорее всего, и способствовало сохранности древней былины в памяти народа. Главная ее ценность — в отражении нового отношения людей к проблеме смерти.

Можно с уверенностью заключить, что все былины о Святогоре — это былины о смерти, героической, закономерной гибели не по случайности, а по судьбе. Святогор чувствует, что он обречен. Отчетливо выписана в былине его тоска обитания на чуждой ему земле и его «окамененное нечувствие» в гробу, словно он предвидит собственное бессмертие. Он превращается в сказочный родник с живой и мертвой водой. Не от живущих людей он принимает смерть, среди богатырей ему нет равного, но от гроба, что чудесным образом появляется в последнем оплоте его мира. Он нашел свою смерть и добровольно принял ее. И это смерть ради будущего. Заметим, что в киевских и новгородских былинах богатыри «пассионарного» времени, как правило, не умирают. Главный русский богатырь Илья Муромец взял от Святогора лишь частицу былой силы. Но прошлое нельзя делить на части, а посему Илья принял весь дух жизни прошедших поколений. Отсечена лишь мертвая пена их канувших в небытие деяний. Да и невозможно быть сильнее предков, сильнее сотен предшествующих поколений.

Сюжет смерти в гробу получил в некоторых вариантах былины, где упоминается отец Святогора, свое продолжение и развитие. Как и полагается с незапамятных времен, умирающий имеет право на последнее желание, которое обязательно надо исполнить: «Ах ты, старóй казак да Илья Муромец, / А ты съезди-тко к моему было родителю / К древнему да батюшку, / К древнему да темному. / Ты проси-ка у мойого родителя у батюшка / Мне-ка вечного прощеньица». «Темными» на Руси называли не только слепых, но и умерших. По сути дела, Илье предлагалось посетить царство мертвых. Это сходно с тем, как сказочные герои в ходе обряда посвящения во взрослые члены общины отправлялись в «иное царство». Былины с этим сюжетом малочисленны и плохо сохранились, но во всех вариантах записей подчеркнуто благородство Ильи, готового исполнить последнюю волю побратима. А.Ф. Гильфердинг, записавший летом 1871 года онежские былины, замечает, что певец-сказитель (Калинин Петр Лукич) говорил, что он воссоздал лишь отрывок и большего, кроме муки одиночества старого отца, веки которого замкнулись, не помнит. Подробнее о загробном путешествии Ильи сообщает былина «Святогор и Илья Муромец», записанная Н.П. Леонтьевым на Печоре. В ней устами сказителя Святогор дает Илье напутствие, объясняя, как поступать в том

мире, где обитает его батюшка. Надо признаться, что эта история выходит за пределы былинного миропонимания и нельзя с уверенностью сказать, что она — из наследия более древних времен. Не исключено, что это вторичное, позднее влияние волшебной сказки. В этой былине сюжет тесно связан со смертью Святогора, рассказан пространно, причем в небольшом по объему тексте дан в двойном повторе, равном чуть ли не трети всей песни. Невольно чувствуешь его значимость, связь с идеей преемственности настоящего и прошлого, но все еще остающегося смертельно опасным для живущего человека. Вот какое напутствие дает Святогор Илье: «Пойдешь по нашей путь-дороженьки... / Увидишь наш дом великие — / Нажми своего коня доброго / И гони мимо наш дом крепче, / И зареви против дому моему отцу, / Что Святогор на Святых горах помер. / Гони сам, сколько можешь, мимо, / Прогонишь — все по себе почувствуешь. / Оборотись тогда обратно / И зайди в избу к моему отцу, / Отец сидит на лавке дубовоей, / Ты с ним тогда поздоровайся / И расскажи, как мы с тобой сошлись-съехались / И какое у нас было подеище / И станет он у тебя просить праву рученьку, / Ты дай вместо руки палицу буевую». Имя Святогорова отца данный сказитель запамятовал, но есть варианты былины, в которых он именуется Горыней (Святогор Горыныч), к чему ниже мы еще вернемся. Сейчас важно отметить, что, являясь побратимом Ильи Муромца, Святогор дает ему подробное наставление, словно сказочному персонажу, о правилах поведения в загробном (навьем) мире.

Похоронив честь по чести своего товарища, Илья отправился выполнять его последний наказ. Вот появляется перед ним «дом большущие, / Нажал он своего коня доброго / И гонит мимо этот дом». И лишь выкрикнул богатырь печальную весть о смерти Святогора, как «услышал он над своей головой / Повыше его что-то пролетело крепко». Это темный старик выдернул «нащоку железную и свистнул он в удала добра молодца». Если бы Илья не гнал коня во всю прыть по наказу Святогора, не миновать бы ему гибели. После этого происшествия Илья входит в «горенку» и обстоятельно рассказывает о смерти Святогора. В этом рассказе повторятся слово в слово все, что раньше пелось, но теперь это поется с просвечивающим сквозь звучание слов образом «темного» старика, который, как это явствует из былины, не потерял своего интереса к миру живых (яви). Повтор воспринимается как река, потекшая вспять, как чудо, как символ богатырского ухода из светлого мира в мир темный. И это не просто художественный прием, это необходимая диалектика, проясняющая, высвечивающая основную мысль былины. Илья оказался в темном мире, он слышит лишь звуки, но не видит старца, который также не может увидеть богатыря, что следует из заключительных стихов былины, которые сопровождались особой мимикой и жестами сказителя и соответствующим звучанием гудка (музыкальный инструмент, подобие древних гуслей): «Дай, говорит, мне праву рученьку, / Какой ты богатырь, я попробую. / Дал ему старóй палицу буевую / Вместо своей правой рученьки / И пережал ему палицу буевую... / Можешь ты воевать, добрый молодец, / Защищать свою Россиюшку!» В последней строке песни появляется то, что станет лейтмотивом всей русской былинной поэзии — защита своей державы. В былинах о Святогоре дан пролог, зачин не только для всей последующей русской эпической поэзии, и даже не для примыкающих к былинам более поздних народных исторических песен, но и для патриотического пафоса всей русской классической литературы (оды, исторические стихи и поэмы).

Былина «Святогор и Илья Муромец» — пропедевтика народной художественной философии, духовные врата в русские эпические песни, связующие тысячелетия до складывания древнерусского языка и тысячелетие после этого исторического явления. В Святогоре явный недостаток бытия, жизни — и это вместе с непомерной, нечеловеческой силой! Он постоянно спит, полуживет,

окружающее сливается со сном, отрешенностью. Поэтому он и не может сдвинуть с места суму жизни. Он и не подозревает, что его сила не от мира сего. Сам он из гроба выбраться не может и пытается передать Илье то, чем владеет. Но не от силы, а от сонливости и слабости отказывается Илья Муромец. Не понимает Святогор, что его смерть — жертва жизни, бодрой, юной, настоящей, а гроб — алтарь, на котором он принесен в жертву будущему. Трагическая поэзия этой былины очистительна, она смывает словесными потоками прошлое, делая настоящее свежим, бесконечно живым. Тень былого величия упокоилась. Устами сказителей Святогор побеждает смерть, возносится на высоту вечного героического пребывания, остается лучшей частью своей в Илье Муромце, соединив века в единое время, обретая на Святой Руси, в новом народе свое былинное имя. Мука безмолвия ему не грозит. Именно с этой былины смерти, осколка древней славы сколотов, начинается тысячелетний русский героический эпос.

Умная поэтика былины! Мысль, образно схваченная и ритмически оформленная сказителями, наделена логикой чувства, она не перестала быть актуальной и в наши дни. В сжатом выражении ее можно свести к следующей диалектической формуле: непомерной мощи прошлого не по силе тяжесть и тяготы настоящего (сюжет «сума»), но и для жителей реально текущего времени, этой узкой освещенной полоске жизни, прошлое в полном объеме смертельно (сюжет «гроб»); прошлое и настоящее — побратимы, от разумно выстроенных между ними отношений зависит само существование будущего человечества и каждого общества-народа в отдельности. Они не должны относиться друг к другу по принципу «свое и чужое». Однако безоглядный уход в прошлое смертельно опасен, поскольку может оказаться фатальным, без возврата в настоящее. Ключ к правильному пониманию отношения между ними необходимо обрести в древней, «навьей» мудрости, поскольку другого советчика просто нет. В этом секрет традиции, механизма передачи от поколения к поколению жизненно важных ценностей. К этому добавлена еще и мысль о важности путешествия в мир мертвых, известная мифам и эпосу всех народов мира. К счастью, в наше время совершить его можно без всякой мистики, посредством книг, вобравших как лучшие образцы устного творчества, так и труды поэтов и мыслителей. Они и есть порталы, соединяющие прошлое и будущее. Русские былины о Святогоре, несомненно, входят в разряд подобных книг. К ним можно отнести родственные по миропониманию, но развившиеся в других культурно-исторических условиях эпические произведения, например, о шумерском герое Гильгамеше, древнеегипетском Осирисе, библейском Самсоне, иранском богатыре Снавидке, античном титане Атланте, армянском Мгере, финно-угорском Калевипоэге, осетинском князе скал Муккаре и многих-многих других, включая сказочных исполинов.

В какую эпоху родился былинный образ Святогора? Определить нижнюю временную границу его появления в исторических датах довольно трудно, если вообще возможно. В поэтическом ключе он вышел из притяжения сказок, и, судя по отчеству, которым его наделили сказители — Горыныч, связан родовыми узами со сказочным гигантом Горыней, бессмысленно передвигающим горы. Но от сказки осталось только отчество! Новые условия и вызовы реального мира потребовали и новых форм словесного отражения народившейся действительности. Говоря общими словами, это время прощания с родоплеменным устройством жизни и перехода к государственным образованиям. Актуальным становится не мир предков («иное царство»), а защита своего отечества от чужого разрушительного вторжения. В такие переходные периоды людям необходимо было разобраться с собственным прошлым и определиться с иерархией ценностей. Как

уже говорилось, былина о Святогоре решает именно эту задачу, она закрывает временной портал в прошлое, оставляя сказке область вымысла, а себе присваивая значение реальности, были. Певцы былин были уверены, что ведут речь о действительно существовавших на Святой Руси героях. Этим былины и отличались, в их понимании, от сказок. По сути дела сюжеты приведенных былин свидетельствуют о художественном прощании со сказкой, оттесненной от магистральной общественной жизни в сферу частного, семейного быта. И вот с открытым забралом в будущее, воодушевленные героикой борьбы, былинные богатыри ринулись на защиту своей недавно обретенной страны. Это породило новую художественную форму — эпическую песню, а к сказке стали относиться как к разрушенному храму, камни которого годны для строительства оборонных рубежей и крепостей. Поскольку у наших предков этот период растянулся на несколько столетий, параллельных антично-византийской культурной общности, от киммерийцев и скифов до праславян и русичей, назвать точное время появления былинного образа Святогора невозможно. Но в переводе на понятный нам и сегодня русский язык он звучал задолго до образования Древнерусского государства. Фольклористы отмечают, что былины о Святогоре не входят ни в киевский, ни в новгородский циклы и связаны с ними лишь образом Ильи Муромца, внесенным сказителями позднее для обоснования преемственности русской силы от мощи великих, но отстраненных от современной жизни предков. И вот что удивительно: в народной памяти основная мысль, ритмика, образный строй и сюжетные линии этой былины прошли путь более чем в тысячелетие, от архаических времен до XXI века.

Имя «Святогор», именно в этой транскрипции, прочно и навсегда вошло в науку, литературу, живопись и кинематограф, продолжая волновать творческое воображение и вдохновлять на создание современных художественных произведений. Но всегда ли наш герой носил именно это имя? Не приобрел ли он его в годы после крещения Руси? Сказители привязывали его имя к локусу — Святые горы, но такого топонима нет в ареале древнего обитания славян, да и не могло быть в стране языческих родовых богов. Скорее всего, в сознании сказителей со временем произошла замена слова «свет» на «свят». Свет — означало «мир», «земля», «вселенная», то есть освещенная солнцем и населенная людьми «явь». Свет противопоставлен мраку, тьме, темной стороне мироздания — «нави», обиталища ушедших поколений, страны предков. Производное от слова свет — свеча, то есть светить, освещать темное пространство. Церковнославянское слово «свят», обозначает нечто божественное, святое. Но Святогору не присуща святость. Подобно тому, как дохристианский праздник зимнего солнцестояния Светки преобразовался в православные Святки, Светогор (огромная свеча-гора или освещенная, светлая гора) становится Святогором, святым человеком-горой. Древнерусское слово «светъ» встречается в первых отечественных письменных памятниках и восходит к санскритскому «svetf-(h)», означавшему «белый», «светлый» («мировой»), то есть — «белый свет», что и есть так называемая «явь» древнерусской мифологии. Этим же словом обозначали вообще всех живых людей. Не случайно «свет» и «общество» в русской речи становятся синонимами. Вспомним известное словосочетание «высший свет». Существительное «свет» (глагол «светить»), как считают этимологи, «по-видимому, возникло до распадения общеславянского языкового единства и расселения славянства» (П.Я. Черных. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.,1993). Скорее всего, первоначальный смысл имени нашего героя — Светящаяся гора (сияющая, излучающая свет, лучи). Такое название могла иметь любая гора с ледником на вершине. Любопытный факт встретился мне на полях Интернета: русины, обитающие на землях предков славян, до сих пор считают

себя потомками Святогора, олицетворяя героя-великана с самым высоким пиком Карпат. Более того, в их представлении древний богатырь и в наши дни находится там, оберегая весь славянский мир от враждебных и «чужих». Остается рассмотреть корневую основу второй части имени — «гор». Нет сомнения, что она происходит от слова «гора», известного по письменным источникам в древнерусском языке с XI века и означавшего — «верх», «высокое место». Наречие «гораздо» применялось в смысле — «значительно», «во много раз». Действительно, Святогор во много раз превышал рост обычного человека. В некоторых вариантах былины он вместе с Ильей Муромцем направляется к «Сиверским горам», где они и набредают на гроб. Заметим, что более позднее церковнославянское слово «горний» оказывается в одном ряду со словом «святой» и означает — божественно-небесный свет, не связанный с конкретной горой или реальными горами. Если бы сказители были последовательны в своих этимологических толкованиях, то переименовали бы нашего героя в Святогорния или Святогорца, но первое для мелодики былины оказалось неблагозвучным, а второе уже было широко распространено как монашеское имя в святоотеческой традиции. В сказках «гора» обычно означала путь в «иное царство». Среди сказочных персонажей известны Вырвигор и сын Горыни Вострогор, возможно, брат Святогора, покинувшего древний мир сказки и действовавшего в исторической, хотя и непроявленной яви, что и дало ему право на былинную прописку. Близкими именами были наделены славянский бог Святовит и русский князь Святослав, где также была осуществлена замена «е» на «я», поскольку относятся они к языческому миру. Любопытно, что жрецы-оракулы Святовита, по словам средневекового хрониста Саксона Грамматика, были не просто в светлых, а именно в белых одеждах. Самого бога хронист часто именует Световидом. Двоякое наименование бога зафиксировано в письменном виде. Идол его стоял в храме в виде воина-всадника огромного роста с четырьмя ликами, смотрящими в четыре стороны света. Идол на треть уходил в землю (эпизод «сума»). Любопытная деталь: жрецы служили «богу всевидящего света», задерживая дыхание (эпизод «гроб»). Перевести дух они могли лишь за пределами храма, отвернувшись от Световида (Андрей Кайсаров, «Славянская и российская мифология»). Так что черты, которыми сказители былин наделили Святогора, как и его имя, не уникальны, они встречаются и у сказочных, и у мифологических персонажей, что косвенно говорит о его глубокой древности. Непомерной стариной веет от других богатырей, также одиноких, словно осколки ушедшей в прошлое цивилизации, — Волх-Вольга, Микула Селянинович, Иван Годинович, Михайло Поток, Сухан, Колыван, Посвист (Соловей разбойник), Соловей Будимирович и другие. Былины до киевского и до новгородского цикла с исторической точки зрения мало изучены. Их практически невозможно увязать с конкретными историческими фактами, но именно они несут в своем образном строе дух героической эпохи, предшествующей образованию Древнерусского государства. Никакая переоценка ценностей не изгладила их из народной памяти, не выбросила из русского языка. Поскольку они никак не связаны с сюжетами былин о Святогоре, оставим их за рамками данного эссе.

Былины о Святогоре доносят до нас мысли и образы предшествующего исторического периода. Они косвенно, отголосками, напоминают о глубинах первобытного мира времен перехода от каменного века к земледелию, когда столь же актуально звучал вопрос: что брать из прошлого, в общем-то, чуждого новой эпохе? В пользу такой седой древности, возможно, говорит гигантский рост и неподъемный вес Святогора, похожего не на обычного человека, а, скорее, на огромный мегалит, каменного идола, враждебного земле, и тот былинный факт, что его не может носить Мать Сыра Земля, что он тонет в ней, погибая от «тяги земной». Не

так давно археологами в юго-восточном углу Турции (в местечке с названием Гебекли-Тепе, по-армянски Портосар) был раскопан храм охотников позднего каменного века X–VIII тысячелетий до нашей эры. Пятидесятитонные каменные изваяния с барельефами животных, с намеченными на торсе изображениями могучих рук. Это святилище просуществовало две тысячи лет и было сознательно засыпано местным населением, перешедшим к земледелию и, таким образом, распрощавшимся со своим охотничьим прошлым и привычным миропониманием. Невозможно представить, какие мифы, сказки, песни, ритуалы создавали люди на протяжении тысяч и тысяч лет, а они ведь не безмолвствовали, жили и созидали красоту, переселялись, женились и рожали из века в век сотни и сотни поколений. Самые ценные открытия и достижения передавались изустно и изобразительно, переводились на новые языки, трансформировались. Что-то безвозвратно терялось, но ведь не все! Самым надежным хранителем этого богатства являются не земля и песок, погребающие прошлое и вновь открывающие осколки прошлого лопате археологов, но языки народов мира, в слове таящие единую историю человечества.

□ □